

Этапы тернистого пути

Герольд Бельгер

(Заметки на полях книги Роберта Корна «В России – немцы, в Германии – русские»)

Новую свою книгу «В России – немцы, в Германии – русские» автор Роберт Корн, живущий с 1991 года в ФРГ, прислал мне недавно, она вышла в 2008 году в издательстве бывшего москвича Вальдемара Вебера, поэта и переводчика. Книга состоит из ряда исторических очерков, написанных в последнее время, но выношенных, выстраданных – я это чувствую и доподлинно знаю – Робертом Корном лет сорок-пятьдесят.

Он выступает в этой книге как дотошный историк, масштабный исследователь, темпераментный публицист, очеркист, филолог-фольклорист, порой как яркий полемист, памфлетист. Эта книга – его давняя, непреходящая боль, сострадание трагической судьбе кровного этноса, гнев против произвола и насилия, сопереживание всем этапам тернистого пути соплеменников, неизбывная печаль о роковых обстоятельствах их более двухвековой Одиссеи.

Такова тональность проникновенного, исповедального труда неистового Роберта Корна. Да, и автор, и его книга пронизаны трепетной болью российских немцев: биологической, исторической, социальной, нравственной, политической. Каждая страница этой книги вопиет о трагедии, выпавшей на долю российских немцев со времени их переселения в Россию, на всех ее крутых этапах-излучинах-изломах до массового исхода на этническую родину. Автор охватывает все аспекты скорбного бытия народа, державной волей обреченного на тотальное истребление, на физическое и духовное вымирание.

То, что натворил (или сотворил) «отец народов» с российскими немцами, автор объясняет сознательным геноцидом. На мой взгляд, для такого заключения есть все основания, и автор приводит в своих очерках монблан фактов и доказательств того, как в течение десятилетий методически истреблялся народ – мужчины, женщины, дети по одному лишь национальному признаку, лишив их всех гражданских и человеческих прав. Когда вникаешь в иезуитскую суть совершенно секретных, просто секретных и полусекретных правительственных постановлений и указов, в корчащиеся от боли, унижения и цинизма цифры, основанные на конкретных документах, то у меня, как читателя и свидетеля того времени, испытавшего все эти тяготы и измывательства, не остается сомнений в том, что самая «гуманная», самая «демократическая» власть творила над народом самый гнусный эксперимент, который иначе, как геноцидом, и не назовешь. Однако, бытует мнение, что при Сталине одинаково плохо было всем, страдали, мол, не только советские немцы, не только репрессированные народы, но и все-все без исключения. Не буду спорить. Большинство (не все, не все!), действительно, ходило по кругам ада, только по разным кругам. На долю российских немцев достался самый тяжкий, самый тернистый, самый безнадежный, самый губительный круг. Отрицать это по прочтении книги Роберта Корна не в состоянии самые отъявленные германофобы.

В этом пафос книги. Ее смысл, значение и непреходящая ценность. Предмет исследования – трагическая судьба российских немцев – рассмотрен автором пристально и тщательно в разных исторических аспектах. И нигде автор не голословен. Каждую главу венчает список использованной литературы. Ни один факт не взят с потолка. Научный аппарат книги-исследования вызывает уважение и свидетельствует о добросовестности автора. Каждая глава – конкретная тема широкоохватной саги, часть героической и трагической симфонии.

Вот глава «Оазис в пустыне» живо повествует о заросшей ныне травой забвения, славной некогда по всей России немецкой колонии Сарепта, основанной в 1765 году на берегу степной речушки Сарпа, впадающей в Волгу. Это был чудогородок, сотворенный «на берегу пустынных волн» членами гернгутской религиозно-экономической ассоциации. Сарепта была своеобразным бастионом цивилизации, познавшим экономический и духовный расцвет.

Сколько осталось о той колонии воспоминаний, зарисовок, картин, свидетельств, восторгов, вдохновенных слов! В книге Р. Корна они воспроизведены. Автор пишет: «Но цветущим поселением» интересовались не только праздные путешественники. В XVIII веке Сарепта видела у себя профессоров Гильденштедта, Гмелина, Палласа, Георги, Ловица; в XIX веке – Александра Гумбольдта, профессора Эренберга, Розе, Паррота, Гебеля, Эверсмана, Бунге, Клауса, этимолога Киндермана, орнитолога Северцева, академика Берга. Колонию посетили почти все сановники и высшие чины Петербурга и даже члены царской фамилии: в 1862 году принц Петер Ольденбургский, в 1863 – государыня Мария Александровна и наследник престола, цесаревич Николай Александрович, умерший до вступления на престол. (стр. 21)

Увы, это чудо, сотворенное прилежными руками потомков таборитов, ныне исчезло бесследно.

Другой очерк называется «Плата за верность» - скорбный сказ о нашествии номадов на первые немецкие колонии, о грабеже и разбоях в мирных поселениях, о большевистском произволе, о голоде на Волге в 1921 году, о насильственной коллективизации немецких колоний в 1929-1931 годах.

Приведу один факт: «По данным некоторых авторов только в 1920-1921 годах от голода умерли более ста шестидесяти тысяч немцев Поволжья, в том числе шестьдесят тысяч детей».

Вывод очерка: «За беспримерные усилия при освоении безлюдных окраин империи, воинскую отвагу и многовековую верность России Москва отблагодарила российских немцев голодомором, кровавым террором, бесконечными грабежами, депортацией и геноцидом». (стр. 51)

Еще одна глава – «Мы помним их имена» - всецело посвящена истории религии российских немцев. Верующие испытывали разгромные гонения. Союз воинствующих безбожников окончательно убил религиозные чувства немцев-колонистов. Вот свидетельство: «Если в 1929 году в немецких сёлах еще было девяносто пасторов, то пять лет позже их оставалось всего сорок один. В конце 1935 года насчитывалось всего четыре пастора, проповедовавших по-немецки». (стр. 73) В России бывали не только еврейские, но и немецкие погромы (кстати, в немецком языке нет понятия «погром», потому и пишут «Pogrom»). О немецких погромах в Москве в мае 1915 года, об антинемецком настрое, усиленно культивируемом на определенных этапах российской истории, жестко повествует глава «Бей немцев, спасай Россию». Приводятся германоарабские высказывания не только царских сатрапов, периодически устраивавших «охоту на ведьм», но и суждения некоторых известных литераторов (В.В. Розанов: «Немцы глубоко нехудожественная нация, глубоко некрасивая нация» ...) Помимо Гёте их всех можно бы вытолкнуть из человеческого общежития». И.Г. Эренбург в этом смысле переплюнул всех: «Немцы – не люди»). «Немецкий вопрос» Роберт Корн рассматривает не изолированно, а в широких масштабах, в контексте крупных социально-политических потрясений – в главах о геноциде армян, учиненных Турцией в 1915 году, о бесчинствах Нестора Махно на Украине, о депортации, кровавом подавлении воли вайнахов (чеченцев и ингушей), о гнусных мифах в отношении поволжских немцев и чеченцев («десятки и сотни тысяч шпионов и диверсантов», «белый скакун для Гитлера»), придуманных властями для оправдания жестокой травли и расправы над «неблагонадежными».

Потрясает читателя глава «Дети изгоев» - о немецких детях, отлученных от родины, от родителей (их забрали в так называемую трудармию – аналог концлагеря), от родного языка, от школы, обреченных на сиротство, на бродяжничество и попрошайничество, на гибель. Как это было, как это происходило, я могу доказать на судьбе моих двоюродных братьев и сестер, их детей – моих племянников, в досталь испытавших этот неприкрытый геноцид. Выросло целое поколение отверженных, лишенных памяти, фамилии, имен, детства. Обо всем этом и я писал не однажды. Освещает Роберт Корн и бесплодную, тщетную борьбу за восстановление распушенной в 1941 году автономии немцев Поволжья. Этому этапу нашей нескладной истории всецело посвящён мой роман «Зов».

Особую ценность представляют, на мой взгляд, очерки Р. Корна о выдающихся личностях из числа российских немцев – об уникальном лингвисте, Лауреате Государственной премии СССР, профессоре Андреасе Дульзоне («Рыцарь своей родины»), о Герое Социалистического Труда, Лауреате Ленинской и Демидовской премий, действительном члене Российской Академии наук Борисе Викторовиче Раушенбахе («На просторах мысли»), о всемирно известном пианисте, профессоре Московской консерватории Рудольфе Керере («Через тернии к звёздам»), об академике Викторе Жирмунском, профессоре Георге Дингесе, археологе и художнике Пауле Рау, о профессоре Петере Зиннере, о писателях, фольклористах Викторе Клейне и Андреасе Саксе («Отголоски былого»). Привлекает, несомненно, внимание работа «Жанры нашей песни» (баллады, исторические, социально-политические, сентиментальные и шуточные песни; лирические песни; обрядовые, шуточные, сатирические, плясовые, хороводные, застольные и детские песни). Исследование это очень актуальное: нынешнее поколение почти не имеет представления о песенном творчестве российских немцев.

Книга Роберта Корна эффектно проиллюстрирована редкими фотографиями, репродукциями гравюр, картин, старинными рисунками – их я насчитал более ста. Достойный труд и издан достойно, с любовью и тщанием. Книги, издаваемые Вальдемаром Вебером, являют собой серьёзный вклад в освещение истории и культуры руссланддойче.

Немного личного

Все, о чем пишет Роберт Корн в этой книге, мне до боли, до сердечных спазм знакомо. Я старше автора на четырнадцать лет, я жил в то время, помню довоенные немецкие села Поволжья, в памяти уголок города Энгельса, где родился и проводил раннее детство, помню типы немцев до того времени, своих сородичей, депортацию, ограничения, комендантский режим, ссылку в ауле, исключения из институтов, мытарства в отстаивании элементарных человеческих прав. Обо всем этом я подробно писал в своих произведениях: художественных и публицистических. И разных материалов по немецкому вопросу накопил немало. Жил в гуще немецкого движения в СССР, принимал посильное участие во всех немецких культурных начинаниях и мероприятиях. И теперь могу со своей колокольни всецело поддержать то, о чем так страстно и проникновенно пишет Роберт Корн. Но кое-что в этой книге оказалось мне внове. Когда меня второй раз не приняли в КазПИ им. Абая (1954-й), я в отчаянии ворвался в кабинет директора института, Героя Советского Союза Малика Габдуллина, где заседала приемная комиссия, и произнес почти в обмороке гневную тираду. Сердца членов комиссии дрогнули. Директор опустил голову и сокрушенно произнес: «Ничего, мой джигит, сделать не могу. Есть такое указание». Я кинулся к министру просвещения. И он растерянно сказал: «Милый, таковы обстоятельства. Вернись в аул. Времена меняются. Тогда и приедешь».

И все эти годы я гадал: что за указание? Полагал: видно, сверху, из Москвы. Теперь только из книги Р. Корна уяснил, что 28 мая 1952 года было совершенно секретно принято Постановление ЦК КП(б) Казахстана: «О приеме спецпереселенцев в высшие учебные заведения», подписанное секретарем ЦК КП(б) К.Ж. Шаяхметовым. Считаю нужным воспроизвести сей знаменательный текст:

«1. Прекратить прием спецпереселенцев в Казахский государственный университет им. С.М. Кирова в Алма-Атинский юридический, Казахский горно-металлургический, физкультурный и педагогический институты, а также в консерваторию.

2. Принять ограниченное количество спецпереселенцев в следующие вузы: Казахский сельскохозяйственный, Ветеринарно-зоотехнический, медицинский, Чимкентский технологический и учительский (кроме Алма-Атинского) институты.

3. Обратить внимание директоров, перечисленных в пункте втором, на то, что в высшие учебные заведения могут быть приняты из числа переселенцев только успешно выдержавшие конкурс, в первую очередь коммунисты и комсомольцы, активно проявившие себя в производственной и общественной работе, но не более установленного в прилагаемом списке количества».

Вот оно что! А я о том и не ведал. Слишком долго протянулся во времени «совершенный секрет». И теперь мне ясны человеческое смущение и неловкость тех славных казахских азаматов – тогдашних директора института и министра просвещения. Они сочувствовали мне, аульному юноше, немцу, окончившему казахскую школу, но были беспомощны меня принять в столичный вуз. Они выполняли совершенно секретное постановление родной партии. Решительно помог мне тогда второй секретарь ЦК комсомола Казахстана, мой земляк, учившийся до войны в той же школе, что и я, друг моего отца Анатолий Федорович Шалов, сославшись на то, что я комсомолец, отличник учебы, сын коммуниста, свободно владеет казахским языком.

Напомню, что это было в августе 1954 года. До отмены комендантского режима оставалось чуть более двух лет. А о «совершенно секретном» Постановлении узнал пятьдесят шесть лет спустя из книги Роберта Корна. Примечательный факт, не так ли?

В идеале хотелось бы, чтобы эту книгу Роберта Корна прочитал каждый российский немец, независимо от того, где он проживает: в России, в СНГ или Германии. Историю свою следует знать, как бы горька она ни была. Хорошо было бы, если бы эту книгу читали, «прорабатывали», широко обсуждали в каждом немецком культурном центре, устраивали бы диспуты и, тем самым, разбудили бы умолкшие, онемевшие немецкие струны в душе. Я, как читатель, рецензент, выражаю автору только свою благодарность. С некоторыми его оценками, суждениями, выводами я бы мог и поспорить, но это детали, не меняющие сути и актуальности большого труда.

Книге предпослано предисловие профессора Эдуарда Франка. Он пишет:

«Данная книга, написанная на материале анализа многочисленных документальных источников, публикаций в СМИ и свидетельств очевидцев, несомненно, позволит заполнить указанные пробелы. Не сомневаюсь поэтому, что новый, тщательно составленный и добросовестно иллюстрированный сборник «исторических этюдов» Роберта Корна найдет своего благодарного читателя».

Полностью разделяю этот вывод.

DAZ (Deutsche Allgemeine Zeitung), 23/01/2009